

Через половину шичэня они вернулись к своему экипажу и увидели Хуань Туна и Хуа Лу. Прислонившись друг к другу плечом к плечу, они сидели на месте возницы. Хуань Тун возбужденно кричал, указывая на расцветающие в ночном небе фейерверки. А Хуа Лу прикрыла лицо руками, тихо любуясь прекрасным видом. Но даже очарованная красотой огня девушка не могла не вспоминать в такой момент молодого мастера Хоу. Было бы хорошо, если бы он смог увидеть великолепие Праздника фонарей, раскрасившее ночное небо яркими огнями.

Одна сидела неподвижно, а другой был необычайно оживлен. Шумный и громко кричащий Хуань Тун больше не выглядел спокойным и рассудительным, каким обычно представлял в доме. Хуань Тун был на год младше Линь Цинюя, он приближался к своему двадцатилетию, но при этом он по-прежнему оставался бесхитростным и честным юношей. Гу Фучжоу и Хуань Тун, будучи ровесниками, сильно отличались между собой. И хотя Гу Фучжоу часто вел себя довольно странно, он никогда не проявлял небрежности в ситуациях, требующих от него спокойствия и собранности.

Вот как и сейчас – они только что признались друг к другу в чувствах, но Гу Фучжоу не казался слишком взволнованным, за всю дорогу обратно к экипажу, не проронив лишнего слова. Если бы до этого Линь Цинюй не расслышал ясно его ответ, то сейчас уже подумал бы, что неправильно истолковал отношение генерала к себе. Возможно, Гу Фучжоу не так уж сильно его и любит?

Но Линь Цинюй быстро отверг это предположение. Он не был слепцом. Они жили вместе, и он видел каждую мелочь и каждое мгновение того, как Гу Фучжоу обращался с ним. И он не был глупцом.

В горах есть деревья, ветки деревьев. В моем сердце есть мой господин, но господин мой не знает о том.*

[Примечание: *Это строчка из стихотворения о тоске, и, если вы заметили, именно эту строчку Гу Фучжоу пытался донести в предыдущей главе.]

Гу Фучжоу специально отравил себя, чтобы вернуться к нему. Как бы он не любил поспать подольше, он проснулся даже в свой выходной, чтобы проводить его во дворец. Он смог заставить себя встать с постели ранним зимним утром, чтобы налить ему чаю. Если уж это не проявление любви*, то как еще влюбленные выражают ее в этом мире?

[Примечание: *Слово здесь 好, которое ближе к слову «нравится». Но в культурном плане слово 好 / любовь используется не очень часто.]

Тогда почему Гу Фучжоу совсем притих?

Возница заметил подошедших Линь Цинюя и Гу Фучжоу и, обратившись к ним, поинтересовался: «Генерал, госпожа, вы вернулись. Желаете ли вы сейчас вернуться в резиденцию?»

Линь Цинюй бросил вопросительный взгляд на Гу Фучжоу. Тот, немного замешкавшись, наконец заговорил, сделав выбор: «Давайте... вернемся...»

Только теперь Линь Цинюй понял причину его продолжительного молчания и, не сдержавшись, улыбнулся. Он первым сел в экипаж. Как только легкий лекарственный аромат, обычно сопровождающий присутствие его супруга, слегка рассеялся, Гу Фучжоу, казалось, наконец немного пришел в себя. Схватив Хуань Туна за плечо, он с тревогой спросил: «Как я сейчас выгляжу?»

Сбитый с толку Хуань Тун переспросил: «Как вы выглядите? Генерал выглядит примерно так же, как и всегда».

Гу Фучжоу с горечью заметил: «Но сейчас я чувствую себя идиотом, который не может даже ходить правильно».

Хуань Тун еще раз внимательно посмотрел на Гу Фучжоу и, кое-что подмечая, проговорил: «Теперь, когда генерал упомянул об этом, вы кажетесь намного жестче, чем обычно».

Спина Гу Фучжоу выпрямилась, а все его тело стало еще более жестким. В это время возница нанес ему еще один смертельный удар, добавил: «Только что, когда я увидел, как генерал и госпожа вместе шли сюда, руки генерала, казалось, качались в такт его шагам».

Гу Фучжоу снова впал в ступор, потеряв дар речи.

Из экипажа донесся голос Линь Цинюя: «Разве мы не уезжаем?»

Гу Фучжоу глубоко вздохнул прежде, чем ответить: «Уезжаем».

Как только он вошел в экипаж, окружающий его шум мгновенно стих. В закрытом пространстве казалось, что во всем мире остался только этот кусочек мироздания. Гу Фучжоу сел рядом с Линь Цинюем. Возница прикрикнул на лошадей, побуждая их сдвинуться с места, и они, наконец, тронулись в сторону дома.

Гу Фучжоу снова окутал запах Линь Цинюя. Кадык прославленного генерала дернулся после нервного сглатывания, и он, робея, окликнул супруга: «Цинюй».

Линь Цинюй в это время рассматривал свои руки, лежащие на коленях. Не поднимая головы, он только вопросительно хмыкнул в ответ.

«Ты слышал, как я только что сказал, что хочу встречаться с тобой?»

«Слышал».

«Значит, ты действительно меня услышал, – Гу Фучжоу, все еще не совсем успокоившись, снова заговорил. – Я сказал...»

«Ты говорил: „Я хочу, я готов. Ты мне нравишься уже давно. Ты мне понравился, когда я читал о тебе. Когда ты умер, я проклял восемнадцать поколений предков автора. Я готов рано встать ради тебя и сражаться за тебя. Я буду сопровождать тебя, куда бы ты ни захотел пойти, и я дам тебе потратить все деньги, которые зарабатываю. Я буду защищать тебя, и даже если ты разбудишь меня посреди ночи, я никогда не буду на тебя сердиться. Мне нравится ждать тебя. Мне нравится смотреть, как ты отравляешь людей ядом. Мне нравится слушать тебя, и я хочу, чтобы ты всегда был счастлив... Ты мне нравишься, я хочу быть с тобой“, – Линь Цинью повторил все обращенные к нему слова Гу Фучжоу слово в слово. – Это все твои слова. Я слышал их все».

Ошеломленный Гу Фучжоу с трудом мог в это поверить.

«Нет-нет, я что, все это время был настолько бессвязным и нелогичным? Почему за „защитить тебя“ последовало „никогда не буду на тебя сердиться“. Как это вообще связано между собой?»

Линь Цинью, до этого рассматривающий свои руки, взглянул на него и, скрывая улыбку, предложил: «Тебе придется спросить об этом только себя».

Понурый Гу Фучжоу опустил голову, задавая новый вопрос: «Только что я вел себя совершенно не как Сью*, не так ли?»

[Примечание: Слово здесь □ / sū, от Гэри Сью/Мэри Сью. Который относится к персонажу, который мега крут, удивителен и так далее.]

Линь Цинью никогда не забывал заниматься изучением диалекта родины Гу Фучжоу. Он с любопытством уточнил: «„Сью“ означает красивый*?»

[Примечание: □ / shuài. Красивый, привлекательный (о мужчине); представительный, видный; солидный, статный; мужественный.]

Расстроенный Гу Фучжоу лишь горько кивнул в ответ. Продолжая сердиться на себя, он с сожалением признался: «Эх, сегодня я хотел завести интересный разговор, поддерживать изысканную беседу, сыпать остроумием и быть неотразимым перед тобой. Знаешь, я же все обдумал заранее. Я хотел выразить свои чувства к тебе стихами. Я собирался выглядеть элегантно, остроумно шутить, чтобы разрядить неловкую атмосферу, если она возникнет. Но это мое первое признание, у меня нет опыта в таких делах. Черт возьми, я так нервничал! – Гу Фучжоу тихо рассмеялся над самим собой. – Пожалуйста, Цинью, не думай обо мне плохо. В будущем я буду больше стараться не терять присутствие духа, быть собранным и хладнокровным, ясно мыслить, чтобы не ставить тебя в неловкое положение. Если мое признание показалось тебе слишком глупым и некрасивым, я могу попробовать снова. Но тебе придется дать мне немного времени на подготовку...»

«Не нужно, – Линь Цинюй больше не прятал свою легкую улыбку. – Я думаю, что только что ты был довольно хорош. Ты был очень красив. Мне все очень понравилось».

От услышанного Гу Фучжоу снова впал в ступор. Только через некоторое время он решился еще раз уточнить: «Значит, я добился тебя?»

Щеки Линь Цинюй слегка покраснели. Крепко схватив Гу Фучжоу за руку, которые до этого, казалось, не знал, куда девать, он быстро ответил: «Угу, ты добился меня».

Мгновенно по всему телу Гу Фучжоу пробежала дрожь, на краткий миг парализовав его сердце, все его естество.

А ведь Линь Цинюй не сделал ничего особенного, он просто первым сейчас взял его за руку.

Перед признанием они уже держались за руки. Они даже обнимались и спали вместе, но именно сейчас Линь Цинюй ощущал, что вот-вот воспламенится.

Вот значит каково быть в отношениях с кем-то, кто тебе нравится? Это немного... опьяняюще.

К тому времени, когда они вернулись в резиденцию генерала, подошло время цзы-ши (с 23:00 до 1:00). Было уже довольно поздно, и все немного устали. Умывшись и переодевшись, Гу Фучжоу в растерянности замер перед двухъярусной кроватью.

Спать на одной кровати в первый день отношений, это не слишком стремительное их развитие? Гу Фучжоу неуверенно спросил у супруга: «Эй, Цинюй, может мне теперь забраться наверх и спать там?»

Линь Цинюй замер, а затем согласно кивнул: «Хорошо».

После того как Гу Фучжоу улегся, Линь Цинюй задул свечу. В комнате стало темно, единственными источниками света были чистый лунный свет, льющийся из окна, да свет фонарей под карнизом.

Этой ночью, хотя Линь Цинюй порядком устал, сон не спешил к нему. На верхней койке давно уже было тихо. И как только он подумал о том, что Гу Фучжоу, скорей всего, уже крепко спит, то совсем потерял сон.

Это был первый день их взаимной любви, и неожиданно это событие сделало его, мужчину, похожим на юную влюбленную девушку. Он продолжал ворочаться всю ночь, не в силах заснуть. Да, это чувство, называемое любовью, нельзя недооценивать.

Линь Цинюй до самого рассвета не сомкнул глаз. Только заснув, он услышал, как кто-то зовет

генерала. Когда он открыл глаза, то увидел, как Хуань Тун, пытается разбудить Гу Фучжоу.

Обычно Гу Фучжоу будил Линь Цинюй, но сегодня он сам проспал. У Хуань Туна не было выбора, кроме как собраться с духом и сделать это самому. Хуань Тун не хотел будить молодого господина, поэтому старался говорить потише. Но вместо генерала, он все-таки потревожил сон своего молодого господина.

Линь Цинюй сел на кровати, приказав: «Иди и приготовь официальную одежду генерала, я разбужу его».

Линь Цинюй вытащил Гу Фучжоу из-под одеяла. Зевая, тот встал со своего места. И сразу заметил нездоровый цвет лица Линь Цинюя, остатки сна вмиг улетучились, он заботливо спросил: «Цинюй, ты плохо спал прошлой ночью?»

«Угу».

Гу Фучжоу бросил с высоты своего роста взгляд на супруга, помогающего ему сейчас облачиться в официальные одежды, и поинтересовался: «Почему ты сегодня плохо спал?»

Линь Цинюй поднял на него глаза, спросив в ответ: «А ты как думаешь?»

«Оказывается, я не единственный, кто потерял сон от волнения».

После всего лишь одной ночи Гу Фучжоу, казалось, вернулся к нормальному своему состоянию. Линь Цинюй увидел, как на губах генерала заиграла его обычная улыбка, и Гу Фучжоу заметил, шутя: «Лекарь Линь выглядел вчера таким спокойным, пребывая в гармонии с самим собой. Я думал, что мое признание в любви тебя совсем не взволнует».

Щеки Линь Цинюя вспыхнули, он не смог удержаться, чтобы не дать свойственный ему ответ: «Все верно. Это действительно пустяки. Я совсем не волновался».

Гу Фучжоу конечно же не поверил этим словам, продолжая счастливо улыбаться: «Ты уже теряешь сон из-за этого, а все еще не собираешься признавать».

Линь Цинюй спросил ровным тоном: «Ты радуешься, видя, как я теряю сон?»

«Честно говоря, может быть немного, – признался ему Гу Фучжоу. – Но достаточно одного такого случая. В будущем, ты должен спать хорошо и не терять из-за меня сон».

«Естественно».

После того как Гу Фучжоу оделся, Линь Цинюй, как обычно, проводил его до ворот резиденции. Прежде чем сесть в экипаж, Гу Фучжоу внезапно спросил его: «Что вы, люди из Даюй, обычно делаете после того, как становитесь парой? Позволено ли вам искать удовольствия и веселиться, исследуя тайны Неба и Земли*?»

[Примечание: Стремление к жизни, полной удовольствий и потакания своим желаниям. В погоне за жизнью, полной удовольствий и похоти.]

«Нет, – ровным тоном ответил Линь Цинюй. – Согласно обычаям Даюй, даже когда вы помолвлены, вы все равно должны соблюдать этикет. Наслаждайтесь чувством, обращайтесь с вежливостью, радуйтесь без распутства».

Улыбка на лице Гу Фучжоу угасла: «Тогда сделаем вид, как будто я никогда не спрашивал об этом и ничего не знаю о ваших традициях в этом вопросе».

Линь Цинюй чуть не рассмеялся: «Садись уже, не опоздай на утренний суд».

Гу Фучжоу не двинулся с места, медленно возразив, продолжая начатую ранее тему: «Нет, но правила, которые ты упомянул, – это правила для помолвленных людей, которые еще не поженились. Поскольку мы уже женаты, почему мы все еще собираемся только наслаждаться чувством, относиться вежливо и радоваться без распутства?»

«Тогда чего же ты хочешь?»

Гу Фучжоу улыбнулся в ответ: «Поскольку правила Даюй не подходят, мы должны следовать правилам моей родины».

Сказав это, Гу Фучжоу наклонился и слегка коснулся губами его лба.

Словно стрекоза скользнула по поверхности воды. Едва заметное прикосновение при расставании.

Линь Цинюй только миг чувствовал жар на своем лбу. Прежде чем он смог полностью погрузиться в эти незнакомые для него ощущения, запах Гу Фучжоу, мимолетно окутавший его, уже исчез.

Гу Фучжоу выпрямился и поймал взгляд Линь Цинюя. Тот по-прежнему оставался спокоен и невозмутим, как будто только что ничего не произошло, как будто ничего не касалось его лба, кроме ветра, дующего в лицо.

Но светлые щеки Линь Цинюя быстро покраснели, а его длинные ресницы слегка задрожали.

Гу Фучжоу чувствовал, что его сердце вот-вот растает. Он ярко улыбнулся, прокомментировав свои наблюдения: «Как и ожидалось от лекаря Линь, такой невозмутимый, несмотря на то, что его только что поцеловали. В отличие от меня, чье сердце вот-вот выскочит из груди».

Линь Цинъюй уже успокоился, отвечая: «Ты слишком слаб и уязвим».

Итак, на родине Гу Фучжоу по обычаям после свадьбы были только поцелуи в лоб. А он-то думал, что тот решится сделать что-нибудь посерьезнее. Он слишком многое себе, видимо, надумал. Похоже, что люди на родине Гу Фучжоу были в основном сдержанными людьми, не заинтересованными в потакании своим желаниям и слабостям.

Вскоре после Нового года Линь Цинъюй получил известие от Чжан Шицюаня о том, что он выполнил все порученные ему задания.

Слухи о том, что супруга правителя северной границы оказалась мужчиной, и что обманутый король пришел в ярость, узнав об этом, распространялись на севере со скоростью лесного пожара. Естественно, теневые стражи отряда Тяньцзи, что до этого искали на севере местонахождение Шэнь Хуайши по приказу Сяо Чэна, тоже узнали об этом. Пришпорив своих лошадей, они поспешили донести эти вести до ушей императора.

Линь Цинъюй не знал, как отряд Тяньцзи проинформировал императора, и как Сын Неба отреагировал, услышав это. Все, что он знал наверняка так это то, что император пришел в ярость и его приступы головной боли возобновились пуще прежнего. Дело дошло до того, что для того, чтоб восстановить свои силы, ему пришлось остаться в постели. Тем не менее, император сначала вызвал императрицу, отругав ее. Затем он в ту же ночь созвал всех своих приближенных и доверенных министров, чтобы обсудить вопрос о севере.

Война на северо-западе еще не закончилась, а казна уже давно опустела. Если в это время на северной границе произойдет мятеж, суд будет осажден с двух сторон. Провизии армии будет недостаточно. Им будет не хватать солдат. У них не будет генерала, который бы их возглавил. У них просто нет возможности воевать на два фронта. Единственное, что их более или менее успокаивало, так это то, что до сих пор это было не более чем неподтвержденным слухом. Правитель севера не так давно даже направил письмо с пожеланиями доброго здоровья императору, в нем не содержалось ничего сверх уже написанного.

Дворцовая служанка оказалась мужчиной. Если это подтвердится, то отвечающая за дворцы императрица не сможет избежать ответственности. Когда Линь Цинъюй сегодня пришел поприветствовать императрицу, эти мысли тяготили ее.

«Мы* уже проверили старые записи бюро Шаньи за те годы. В личности Цзинчунь не было ничего скверного. Этот вопрос может быть просто слухом, но тем не менее это привело императора в сильную ярость. Он даже поставил под сомнение мою способность управлять дворцами... – Императрица устало прикрыла глаза, глубоко вздохнув. – Мне трудно поведать тебе о всех моих страданиях».

[Примечание: 卍 / bēn gōng. Архаичное «я», великосветская особа о себе. По старой практике используем «мы»]

Гу Фучжоу ранее сказал, что причина, по которой Цзинчунь смог обмануть всех в прошлом, заключалась в помощи Сяо Чэна. Решение этого вопроса Сяо Чэном было безупречным. Естественно, что он давно не оставил после себя никаких улик. Что же касается тетушки, которая скрыла тот факт, что Цзинчунь поступил в бюро Шаньи будучи мужчиной, то она ни с того ни с сего умерла после его отбытия на север.

Линь Цинюй предположил: «Не может быть волн без ветра. Поскольку на севере ходят такие слухи, действительно может быть что-то сомнительное в личности принцессы Цзинчунь все-таки имеется. Может быть, правитель севера просто не хочет бить траву, чтобы напугать змею, выжидая правильного момента для нападения».

Императрица сказала: «Мы приказали своим людям тщательно расследовать это дело. Прошло более десяти лет с тех пор, как Цзинчунь вошла во дворец, и чиновница, возглавлявшая в то время бюро Шаньи, уже покинула дворец, выйдя замуж. Это займет некоторое время».

Линь Цинюй знал, что с этим вопросом не следует торопиться, поэтому решил сменить тему: «Матушка-императрица, как в последнее время поживает его высочество шестой принц?»

Когда разговор зашел о ее ребенке, выражение лица императрицы немного смягчилось: «Слуги, которые прислуживали Ли-эру, были избиты и выброшены вон. Я выбрала новую группу слуг для служения в саду Цзиньян. Получив предупреждение, они должны знать, что им следует делать. Позавчера Лай Фу отправился в сад Цзиньян, чтобы повидаться с Ли-эром. Он сказал, что Ли-эр стал выше и более активным и живым».

Линь Цинюй улыбнулся в ответ: «Это хорошо».

«Несмотря на это, мы все еще не можем успокоиться, – сказала императрица. – В саду Цзиньян не хватает хорошего лекаря. Если ты свободен, походи и повидайся с ним ради меня».

Линь Цинюй кивнул в ответ.

Он покинул дворец Фэнъи и, обратив внимание на время, направился к дворцу Циньчжэн. Рано утром император вызвал Гу Фучжоу во дворец для обсуждения политики, заседание утреннего суда вот-вот должно было закончиться.

Так случилось, что в это время именно Сяо Сунцзы дежурил в зале Циньчжэн. Когда он увидел Линь Цинюя, то, немного удивившись, сказал: «Но ведь сегодня утром лекарь Линь уже измерил пульс его величества, разве нет?»

Линь Цинюй ответил, развеяв его сомнения: «Я пришел не для того, чтобы просить дозволения

осмотреть его величество».

«Тогда...»

Пока они разговаривали, обсуждения в зале Циньчжэн подошли к концу. Первым из зала вышел премьер-министр, за ним последовал Наньань Хоу. Когда Наньань Хоу увидел Линь Цинюя, по его лицу пробежала тень, и он обошел его по широкой дуге, явно избегая с ним контактов. Казалось, присутствие лекаря Линь, выбило его из привычного состояния. Гу Фучжоу вышел последним. Встретившись взглядом с Линь Цинюем, он заулыбался, направляясь в его сторону большими шагами, спрашивая на ходу: «Почему моя госпожа пришла сюда?»

Линь Цинюй спокойно ответил: «Я просто проходил мимо. Если генерал закончил свои дела, не желал бы он вернуться со мной в резиденцию?»

Гу Фучжоу ответил на это по-прежнему учтиво: «Пожалуйста, моя госпожа».

Глядя на это со стороны, Сюэ Ин, провожающий министров из дворца, не мог не вздохнуть немного завистливо: «Генерал Гу действительно благословлен в своем браке».

Разговаривать супругам во дворце было неудобно, поэтому, только после того, как они сели в экипаж, Линь Цинюй спросил генерала: «Как прошли сегодня дела в зале Циньчжэн?»

«Слишком много пустой болтовни, – лениво отозвался Гу Фучжоу. – Единственное, что порадовало, это известие о том, что Сяо Цзе проделал хорошую работу по сбору средств и провизии для армии. Император осыпал его похвалами и попросил того помочь Сяо Чэну в управлении делами».

Линь Цинюй в свою очередь рассказал Гу Фучжоу о делах императрицы: «Что касается дела принцессы Цзинчунь, то физических доказательств нет, а свидетель уже мертв. Если правитель севера намерен скрыть это дело для Цзинчуня, будет трудно довести это дело до конца».

Гу Фучжоу небрежно заметил: «Да, нелегко получить доказательства. Но ведь свидетелями были не только Сяо Чэн, но и Шэнь Хуайши».

«Шэнь Хуайши... – размышлял вслух Линь Цинюй, – надеюсь, мы обнаружим его местонахождение как можно скорее».

Автору есть что сказать:

Как земляк Дачжуана, я не хочу, чтобы Дачжуан был представителем нашей родины (собачья голова).

<http://bllate.org/book/15122/1336697>